

Конечно, данные топонимии являются дополнительным и, может быть, одним из главных индикаторов в комплексной проблеме идентификации этноса и выявления его происхождения.

И наконец, важнейшей задачей топонимики как науки является выявление своеобразия топонимов как класса слов по отношению к апеллятивам, породившим на первоначальном этапе топоним.

С.М. Толстая

АНТРОПОНИМЫ В НАРОДНОЙ КАЛЕНДАРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Славянский народный календарь, являющийся по своей структуре и форме (в значительно меньшей степени по содержанию) результатом адаптации канонического церковного календаря¹, унаследовал от него свой главный принцип номинации календарных единиц (праздников, почитаемых дней, периодов) – по именам святых, память которых приходится на соответствующие даты (относительно меньшую долю составляют в народном календаре хрононимы, мотивированные «событиями» христианской истории, такие, как *Рождество*, *Крещение*, *Сретение*, *Преображение*, *Успение* и т.п.). Однако в самом каноническом церковном календаре хрононимы в собственном смысле слова, т.е. именованья дней и отрезков года, отсутствуют, а имена святых включаются в некую «календарную формулу», соответствующую тому или иному дню: например, «8/21 августа. Свт. Емилиана исп., еп. Кизического (813–820). Прп. Григория, иконописца Печерского, в Ближних пещерах (XII). Перенесение мощей прпп. Зосимы и Савватия Соловецких (1566). Свт. Мирона чудотворца, еп. Критского (ок. 350). Мчч. Елевферия и Леонида. Прп. Григория Синаита (XIV)»². При этом форма род. падежа имен святых (*Емилиана*, *Григория*, *Мирона*, *Елевферия*, *Леонида*) определяется управлением опускаемого слова «память», т.е. «Свт. Емилиана исп.» должно читаться как «память святого Емилиана-исповедника».

Разумеется, язык народного календаря не испытал на себе непосредственного влияния подобных «формул». Посредником здесь могла послужить реальная церковная практика, точнее, сложившийся в ней обиходный календарный язык, в котором так или иначе должны были присутствовать хрононимы, по крайней мере для наиболее значительных дат. Но для того, чтобы конкретный день получил собственное наименование, из всех соотносящихся с ним имен и событий должно было быть выбрано одно наиболее значительное имя или событие, которым и стал бы мотивироваться хрононим. Это значит, что изменение функции антропонима (агионима), т.е. превращение его из собственно антропонима, обозначающего конкретное почитаемое лицо в составе канонической календарной формулы, в квази-антропоним (если название праздника совпадало с именем святого, например, *Илья*, *Алексей*, *Петр* и *Павел* и т.п.) или составную часть хрононима (на-

¹ Толстая С.М. Календарь народный // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 442–446.

² Православный церковный календарь. М.: Изд-во Московской патриархии, 1986.

пример, *Николин день*) должно было произойти уже в самом церковном обиходе, который вероятнее всего и стал непосредственным источником народной календарной номенклатуры. Примеры такого развития отражены в памятниках письменности с древнейших времен. Так, в новгородских берестяных грамотах начиная с последней четверти XII в. фиксируются в большинстве своем дожившие до наших дней календарные конструкции типа «на Пьтровъ днь», «на Петрьво дне», «ко Петровоу дени», «ко Илину дни», «по Петровѣ дни», «о Петрови дни»¹, а один раз, в грамоте второй четверти XV в., встретился однословный антропоним-хрононим: «а то деялось всю нѣделю до Прокла»². Ср. также в Остромировом евангелии: «Въ а нед по пасцѣ на невѣрие Фомино» [Срезневский, 2, 872], где «формула события» употребляется в функции хрононима.

Как в разных славянских традициях и регионах происходил подобный отбор и по отношению к какому конкретному канону (образцу) – этот вопрос остается совершенно неизученным. Мы можем лишь утверждать, что известные славянские этнические, региональные и локальные календарные традиции (даже среди православных) отличаются друг от друга по составу почитаемых имен, давших название календарным датам, и их иерархии весьма значительно. Общим для них оказывается прежде всего сам языковой механизм номинации календарных единиц антропонимами и их дериватами, сопровождаемой разного рода звуковой и грамматической модификацией канонических имен (определенную общность обнаруживают и сами претерпеваемые антропонимами модификации). При этом изменяется и «семантика» (внеязыковая соотнесенность) антропонима и его языковой статус, происходит трансформация условного хрононима «день (памяти) св. Алексея» в реальный хрононим «Алексей»; происходит ослабление связи антропонима со своим референтом и приобретение им календарной семантики («день 17 марта ст. ст.»), происходит по существу «апеллятивизация» антропонима как следствие изменения его функции. В то же время форма «Алексей» может рассматриваться как метонимическая номинация (типа «читать Пушкина, изучать Толстого», где фамилии писателей также употреблены в метонимическом апеллятивном значении «сочинения Пушкина», «творчество Толстого») или как эллиптическая конденсация конструкции типа «Алексеев день, Петров день».

В настоящих заметках некоторые из типичных языковых преобразований антропонимов при их включении в календарную терминологию рассматриваются на примере полесского народного календаря, по которому собран достаточно репрезентативный материал³.

Что касается *именника*, т.е. состава антропонимов, выступающих в роли хрононимов в полесском календаре, то он, как и в других локальных календарных системах, относительно невелик (и следовательно, в высокой степени избирателен). Список однословных хрононимов-антропонимов включает следующие канонические имена (в скобках приводятся их основные фонетические и словообразовательные варианты): *Акилина* (*Якылыны*), *Алексий* (*Лексей*, *Лексий*, *Олексий*), *Андрей* (*Андрейки*, *Андреян*, *Андросий*, *Андросы*, *Ондрей*), *Анна* (*Ганки*, *Ганна*, *Ханки*), *Антоний*, *Афанасий* (*Фанасий*), *Борис*

¹ См.: *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 611.

² Там же. С. 568.

³ См.: *Толстая С.М.* Полесский народный календарь: Материалы к этнодиалектному словарю // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 178–200 [Предисловие, буквы А–Г]; Славянское и балканское языкознание: Проблемы диалектологии. М., 1986. С. 98–131 [буквы Д–И]; Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 178–242 [буквы К–П]; Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995 [буквы Р–Я, Приложение].

(*Борисы*), **Вакула**, **Варвара** (*Варки*), **Василий** (*Василье, Васильчик, Василья*), **Владимир**, **Власий** (*Власе, Волосый, Влас, Власье, Улас*), **Гавриил** (*Гаврил, Гаврилей, Гаврило*), **Георгий** (*Григорий, Егорий, Юрий, Юрай, Юрей, Юрья*), **Григорий** (*Рыгорый*), **Дмитрий** (*Гмитра, Митер*), **Евдокия** (*Алдоки, Аўдоки, Аўдоцця, Годюшки, Евдока, Евдоки, Евдосья, Евдокий, Овдокий, Овдюшка, Овдюшки, Одюшка, Одюшки, Удока, Удоки, Явдоха*), **Екатерина** (*Катерина, Катерины, Катеринки*), **Елена**, **Иван** (*Ян*), **Илья**, **Иосиф** (*Юзыхват*), **Исаакий** (*Сака*), **Козьма** и **Дамиан** (*Кузьма-Дамьян, Кузьма-Земян, Кузьмодемьян*), **Касьян**, **Ксения** (*Оксеня*), **Куприй**, **Лавр**, **Лазарь** (*Лазарова суббота*), **Макарий** (*Макарей*), **Макрина** (*Макрида, Мокреня, Мокрыня, Мокрэни*), **Мелания** (*Малашка*), **Марк** (*Марко*), **Мария** (*Марья*), **Матвей**, **Митрофан** (*Матрипан, Матрихваны*), **Михаил** (*Михайло*), **Никита** (*Микетя*), **Николай** (*Микола, Миколы*), **Онуфрий** (*Онопрый*), **Павел** (*Павло*), **Пелагея** (*Палажски*), **Пантелеймон**, **Параскева** (*Параскевия, Параски, Параскимка, Параскимья, Парасковья, Парашки*), **Петр** (*Петро, Петрок*), **Потап** (*Патапы*), **Филипп** (*Пилип, Пилипей*), **Прокопий** (*Пэракоп*), **Савва** (*Сава, Савка, Савки, Савы*), **Самсон**, **Семен**, **Спиридон**.

Имена святых в полесском календаре часто употребляются с атрибутивными уточнениями или «эпитетами». При этом по отношению к тем святым, память которых в течение года отмечается несколько раз, или же тем, у кого имеются одноименные святые (таким, как *Иван*, *Николай*, *Юрий*), используются определения «календарного» характера, например, *Иван – Петровский* (*Петров, Петровчаны*), *Покровский* (*Покровный*), *Микульный* (*Микольский, Микульский*), *Летний*, *Осенний*, *Постный*, *Спасовский*, *Стреченный* (*Встреченный*), *Ушестны*, *Юровский*; *Микола Весняная* (*Весняны*), *Зимняя* (*Зимний*) и т.п., локализирующие праздник посредством указания на другой, однозначно атрибутируемый ближайший день. Иной характер носят «эпитеты», отражающие мифологическую трактовку сакрального лица или посвященного ему праздника, например: *Иван – Ведёмский* (*Ведьмин*), *Ведьмарский*, *Колдунский*, *Градовый*, *Сухий*, *Великий*, *Долгий*, *Малый*, *Злостный*, *Цветошин*, *Калиновик*, *Купайла* (*Купальный, Купальский*); *Марк – Марко-ключ* или *Марко Ключник*; *Борис Паликоп*, *Алексей Теплый*. Используются также эпитеты, передающие христианские значения и коннотации праздника: *Иван – Присеча* (*Притик*), *Богослов*, *Головосек* (*Волосика, Головатый*), *Креститель* (эти эпитеты часто употребляются и автономно, без определяющего имени).

«Парные» святые (*Кузьма* и *Дамиан*, *Петр* и *Павел*, *Борис* и *Глеб*) на своем пути из антропонимов в хрононимы переживают разные стадии конденсации, соответствующие этапам утраты антропонимической функции (соотнесенности с сакральными лицами), вплоть до образования единого сложного имени: *Кузьма-Демьян* (соединительный союз никогда не сохраняется, так что образуется двойное имя, в котором второй компонент апеллятивизируется сильнее, о чем свидетельствует форма *Кузьма-Земян* с народно-этимологическим преобразованием второго имени) и *Кузьмодемьян*; *Петро* и *Павел* (в этой паре союз может сохраняться), *Петро-Павло* (с двумя ударениями на конечных слогах имен), *Петропавло* (часто второй компонент просто опускается, и хрононим остается одночленным: *Петро, Петрок*); *Хлеб-Борис* (*Борис* и *Глеб*).

Характерной чертой народного календарного узуса является использование гипокористических форм христианских имен и их разнообразная диалектная трансформация, подчас весьма далеко удаляющая имя от своего канонического прототипа (ср., например, выше представленные в полесском календаре варианты имени *Евдокия*). Однако если подобные трансформации в какой-то степени индивидуальны и в большинстве случаев представляют собой результат фонетической адаптации христианских имен независимо от их календарной функции, то претерпеваемые ими грамматические преобразования,

касающиеся категориальных характеристик рода, одушевленности, числа, суффиксального оформления, прямым образом связаны с изменением статуса антропонимов, с их переходом из сферы ономастики в сферу апеллятивной номинации.

Изменения по *роду* затронули прежде всего мужские имена женской грамматической словоизменительной парадигмы, где переход в женский согласовательный класс не требовал никаких формальных модификаций основы: «Две Миколы у нас празновали – зимняя и весновая»; «Варвара заварыла, а Мыкола загвоздыла», «Святая Лля [Илья]»; «Лля нанесла гнилля» и т.п. Тем не менее уже они красноречиво свидетельствовали о семантическом разрыве антропонимов с исконной христианской референцией и, как следствие, об утрате категорией рода своего реального содержания (соотнесенности с полом), а антропонимом – своей ономастической функции. Еще очевиднее проявил себя этот грамматический процесс в тех случаях, когда имя подвергалось (немотивированному в рамках антропонимической системы) словообразовательному переоформлению, часто одновременно со сменой грамматического рода (в том числе и на средний род): Василий → *Василья*, ж.р. (ср. «Святая Василья дзяжу мясила, дзяжу мясила, пираги пякла»¹), или *Василье*, ср. р. («Святые Василье, сию симне, позволь, божэ, того в снi выдаты, с ким буду на шлобы стояты»); Влас(ий) → *Власье* («На Власье шоб нэ мазалы; нэ шыемо на тэ Власье»); Евдокия → *Евдокий*, *Овдокей*, *Удокей*; ср. также колебания грамматического рода в таких «апеллятивных» хронимах, как *Покров* и *Покрова*; *Паликоп* и *Паликона*, *Чудо*, ср. р. и муж. р. («Прэчыста ка[же:] не святкуйте мяне, да Чуда мого»), и т.п.

Наиболее регулярный характер, однако, несут изменения, касающиеся категории числа, и прежде всего *плюрализация*, приобретающая характер деривационной модели². Эффектом усвоения этой модели оказывается наличие многочисленных дублетных хронимов (как антропонимического, так и апеллятивного происхождения) в форме ед. (типа *Андрей*, *Евдока*, *Борис* и т.д.) и множ. числа: *Андрейки*, *Борисы*, *Вакулы*, *Варвары* (*Варки*), *Ганки* (*Ханки*), *Евдоки* (*Алдоки*, *Овдюшки*, *Удоки*), *Катеринки*, *Матрихваны*, *Миколы*, *Палажки*, *Потапы*, *Савы* (*Савки*), *Якылины*. Это явление известно и за пределами Полесья, и не только в календарной терминологии, где оно могло распространиться под влиянием характерной плюративной модели в поле наименований «событий», обрядов, «церемоний», игр (*роды*, *похороны*, *именины*, *святки*, *проводы*, *выборы*, *прятки*, *салочки* и т.п.), но и в топонимии, в том числе и в антропонимических по происхождению образованиях (типа *Борки*, *Дубровицы*, *Холмы*, *Костюковичи*, *Засинцы*), где оно широко распространено во всех славянских ареалах. Очевидно, что форма *pluralia tantum* в хронимах-антропонимах еще сильнее отдаляет их от собственно антропонимической сферы и закрепляет их автономию. Вместе с тем плюрализацию нельзя считать средством апеллятивизации, о чем свидетельствуют хотя бы данные топонимии, но она, безусловно, маркирует категориальные (и функциональные) переходы крупных лексических пластов из одной ономаσιологической сферы в другую.

Еще одним знаком выхода хронимов из антропонимического пространства оказывается утрата ими категории *одушевленности*; это касается как форм единственного числа, так и плюративов: наряду со стандартной для одушевленных имен предложной конструкцией с формой вин. = род. типа «*На Алексея* (т.е. в день св. Алексея) лед таки слабки, что его рыба хвостом разобье», «*На Григория* в поле выходили и батюшка пра-

¹ См.: *Веснавыя песні*. Мінск, 1980. С. 116.

² См.: Толстая С.М. Об одном типе конверсии в славянских языках (флективная деривация) // Сопоставительное изучение словообразования в славянских языках. М., 1987. С. 198–205.

вил» становятся возможными аналогичные конструкции с вин. = им., характерные для имен неодушевленных, типа «*На Олэксий*, на взэни, девушки гадают»; «*На гэтый Юрэй* збираются вовкы вси у кучу»; «*Ведьма молоко отбирае под Посный Иван*»; ср. также: «*Нучь на Варвары одорве дня*», «*На Евдокий* (вин. = род. мн. ж. или вин. = им. ед. м.?) сильно нещасливый день» и «*На Евдоки* (вин. = им.) примечали, откуль ветер повеет»; «*На Андрейки* гадали девчата»; «*Коляду выгоняли на Крестители*» и т.п.

Наконец, антропонимы в календарной терминологии воспринимают характерные для нарицательной лексики словообразовательные валентности и становятся основой дальнейшей деривации, в частности, образуют глаголы со значением 'пробывать в течение времени, называемого хрононимом' или 'праздновать названный хрононимом день', например, *андросити*, *варварити*, *савити*: «Як баба не напрала, то, каже, трэ было ни савити, ни варварити, ни андросити, тилько кудильку кундосити» (а также *празниковаць*, *благовеснувати*, *великоднувати* и т.п.), воспроизводя модель, которая представлена в случаях типа *день* → *дневать*, *ночь* → *ночевать*.

Таким образом, претерпеваемые антропонимами формальные модификации – изменения числа, рода, утрата одушевленности и др. сопровождают процесс их апеллятивизации (которая в свою очередь есть следствие изменения функции и «семантики» антропонима). Вместе с тем тенденция к утрате антропонимами-хрононимами ономастического статуса причудливым образом уживается с противоположным по своей природе явлением, коренящимся в культурной мифопоэтической традиции, а именно: с характерной для традиционного сознания антропоморфизацией календарного времени, персонификацией дней (праздников) и отождествлением дня и его мифологического патрона, с демонологизацией персонифицированных праздников, ср. «[Одна женщина] красна ткала на прысьваток Тэплым лексий. Аж у ночи прыходить с таким батогом. Съвато тэ прышло да налякало. [Женщина] полэжала й ужэ вмерла»¹, что явным образом тормозит чисто языковой процесс апеллятивизации и влечет за собой «вторичную» онимизацию хрононимов, в том числе и хрононимов апеллятивного происхождения (ср. «На Чудо не можна ничаго робить, бо оно карае»; «Чудо чудить»).

Еще одним проявлением антропоморфизации календарного времени, способствующей вторичной онимизации хрононимов, можно считать характерную для полесского календаря «семейно-родственную» семантическую модель: некоторые праздники (особенно смежные или парные в годовом круге) оказываются связанными отношениями родства и именуется братьями, сестрами, родителями, детьми друг друга. Например, день, следующий за некоторыми праздниками (иногда – предшествующий день), называется *батько*: *Васильев батько* – 2 января ст. ст., день, следующий за днем св. Василия; *Петров батька* – день, следующий за днем свв. Петра и Павла (29 июня ст. ст.), *Миколин батько* – день, следующий за Николиным днем (9 мая ст. ст.); ср. также: «*Кажуць, Сава – Миколин бацька*»; «*Савка – Варварин батько*» и т.п. И теми же «родственными» отношениями в народном календаре оказываются связанными дни, обозначаемые «апеллятивными» хрононимами: день после праздника Сретения (полес. *Грумницы*) называется *Грумничный батко*, день после праздника Покрова – *Покровный батько*, празднику Благовещение предшествует его «*батька*» *Благовесник*, праздник Рождества Богородицы (8 сентября ст. ст.) называется матерью, а День воспоминания чуда Архистратига Михаила (6 сентября ст. ст.) – отцом: «Не бойся *матери* Прэчыстой, а бойся *отца* Чуда» и т.п. Предшествующий празднику день может считаться его «сыном»: «У каждого Ми-

¹ Подробнее см.: Толстая С.М. Сакральное и магическое в народном культе святых // Folklor – Sacrum – Religija / Pod red. J. Bartminskiego i M. Jasinskij. Lublin, 1995. S. 38–46.

колы свой *Микульник*, свой сын»; «Малэньке свято уперод: *Ушосник* – Ушесте, *Микульник* – Микола». Ср. в белорусском заговоре обращение к персонифицированным праздникам: «Святэй Дух и Святая Тройца и Святэй Трайчонок».

Такое сочетание разнонаправленных тенденций в формировании лексикона народного календаря «расшатывает» статус его единиц, не позволяет однозначно отнести хрононимы к апеллятивному или ономастическому фонду и вынуждает квалифицировать их как некую промежуточную лексическую категорию, характеризующуюся двойственной апеллятивно-ономастической природой (по одним признакам апеллятивы, по другим – онимы).

М.Э. Рут

АНТРОПОНИМЫ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О СЕМАНТИКЕ

Несмотря на непрекращающиеся споры о лексическом значении собственных имен, мнений остается столько же, сколько спорщиков. Вопрос осложняется тем, что само понятие «семантика онома» не однозначно: в него закладывается смысл не только лексического значения, но и, с одной стороны, гораздо более узкий, предполагающий только исходное мотивационное значение¹, а с другой – гораздо более широкий, включающий всю информацию, которую можно извлечь из имени². Плодотворность исследований в указанных направлениях отводит вопрос о лексическом значении имени собственного на второй план, однако не снимает его и не исключает все новых попыток его разрешения.

Представляется, что одна из причин «нерешения» данного вопроса – в стремлении решить его для всех онома сразу. Между тем существование единой модели онома, очевидно, следует признать мифом. Выделение ономастики как самостоятельной науки, имеющей свой собственный предмет, имело огромное значение для развития интереса к именам собственным как особым лингвокультурным феноменам и принесло свои плоды, однако сейчас нельзя не признать, что цельной науки все же не получается, и трудно назвать хоть одну сколько-нибудь значимую работу (не считая популяризаторских публикаций В.А. Никонова или чисто внешне систематизирующих обзоров А.В. Суперанской и Н.В. Подольской), в которой бы ономастика результативно рассматривалась в целом. Вместе с тем перечень исследований отдельных классов онома, в том числе и содержащих значимые выводы теоретического плана, мог бы занять не одну страницу. Надо полагать, и вопрос о наличии/отсутствии и характере лексического значения собственных имен решаем только по отношению к конкретным классам онома.

Попробуем рассмотреть эту проблему на материале антропонимов. Выбор обусловлен не только необходимостью выбрать какой-то один класс, но и следующими обстоятельствами: во-первых, из двух наиболее изученных классов – топонимов и антропони-

¹ Продуктивность именно таких семантических исследований в области топонимии блестяще доказаны А.К. Матвеевым в целом ряде его работ, начиная с новаторской основополагающей статьи 1969 г. – см.: *Матвеев А.К.* Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // *Этимология*, 1967. М., 1969. С. 192–200.

² См., например: *Голомидова М.В.* Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998; а также статьи Е.Л. Березович и И.С. Просвирниной в настоящем выпуске.